

Наталья
КОРНИЛОВА

ПАНТЕРА

ВСЯ ЖИЗНЬ — ИГРА

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Пантера

Наталья Корнилова

Вся жизнь – игра

«ЭКСМО»

2002

Корнилова Н. Г.

Вся жизнь – игра / Н. Г. Корнилова — «Эксмо»,
2002 — (Пантера)

Жизнь – самая дорогая и жестокая игра, и никаких денег не хватит, чтобы ее оплатить, если расплачиваться по полной программе!.. Все началось на праздновании юбилея Алексея Мамина с убийства его компаньона банкира Мавродитиса. Сотрудница детективного агентства Мария, присутствовавшая на торжестве, ощутила смутную тревогу, будто что-то должно произойти. Но не сумела предотвратить трагедию. А через несколько дней были убиты люди из ближайшего окружения Мамина и похищена его сестра Марина. Петля страха захлестнула Алексея. Убийца словно играл с ним, подбираясь все ближе и ближе. Мария звериным чутьем пантеры, живущей в ее подсознании, распознала жестокого игрока. Ей предстоит встретиться с ним в экстремальных условиях, и тогда это уже будет не игра, а борьба не на жизнь, а на смерть...

Содержание

Пролог о зажавшемся богатым человеке	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Наталья Корнилова

Вся жизнь – игра

Пролог о зажавшемся богатым человеке

– Откровенно говоря, меня мало интересует, кто что об этом думает. И еще меня раздражает, когда говорят: «Нам бы его проблемы». Обмен проблемами – вообще удел демагогов и долбозвонков. Если честно, моя жизнь – это моя жизнь плюс жизнь моей семьи, а житье-бытье всех прочих мне глубоко по барабану. Меценатство, которое придумали все эти проворовавшиеся банкиры, благотворительность, эта богадельня для дебилов – все это только пустые слова, а если в этих словах есть какое-то содержание, то оно уж явно не то, что декларируется. Каждый усердствует только для себя, и если сегодня я помогу какому-нибудь условно неимущему, а со мной что-нибудь случится, то завтра этот гребанный неимущий – условно неимущий – будет читать газетенку со статейкой о том, как красочно меня пристрелили, и веселиться от души. Упарываться со смеху.

– Ты, Леша, говоришь тут о демагогах, а между тем сам демагог, каких мало.

– В самом деле? Ну, коньяк развязывает язык. А что ты не пьешь? Это не какое-нибудь пойло, а самый настоящий, из Парижа, за триста евро.

– Да нет, благодарю. Ты же знаешь, я не люблю коньяк...

– ...и лакаешь водку!

– Ну что ж? Водка полезна, она расширяет сосуды. А у тебя, Леша, избыток желчи. И вообще – ты неважно выглядишь, несмотря на все свои австрийские горнолыжные курорты и Ниццу. Да и эта самая... откуда ты приехал полмесяца назад? Из Мексики, что ли? Ладно. У тебя скоро день рождения, тридцать пять лет, а ты брюзжишь, как будто тебе уже полтинник стукнул. Или семьдесят. Вот что, Леша: давай-ка отметим твой юбилей по-человечески. Безо всяких поездок в Париж и Мексику – нечего просаживать бабки за бугром. Устроим хорошенькую бухаловку на даче. По-русски, по-нормальному.

– Ну что за «бухаловка»? Мне уже не двадцать лет, чтобы вот так...

– А мне даже не тридцать пять, а гораздо больше, Леша! Но я не ною и не заглядываю в паспорт, чтобы освежить в памяти, сколько же, собственно, мне лет. И вообще, Алексей... может, ты рано отошел от дел? Все-таки ты еще молод и полон сил, чтобы вот так паразитировать на собственных достижениях прошлых лет. Нельзя же успокаиваться на достигнутом.

– Это такая же демагогия. Я собирался перебираться на ПМЖ в Германию, но подумал, что я там сдохну. Получить же швейцарское гражданство сложно. В Штаты после одиннадцатого сентября, когда развалились их нью-йоркские небоскребы, не хочу соваться. Да и вообще не хочу уезжать из России насовсем. Тут хоть весело. А вот Боря Брайтман свалил-таки в свой Израиль, а теперь развлекается не по-детски. Война. Я вот что придумал. Есть такое дело, мне рассказали: игра. Одним словом, классная постановочная имитация любой ситуации. К примеру, один мой знакомый, Мишка Берг, заказал себе разгром немецкого гарнизона в оккупированной деревне. Он был в роли партизана, немцы были самые настоящие. Была там белобрысая «немка-переводчица», которую «партизаны» Берга трахали. Ее изображала одна элитная проститутка. Берг доволен был – сил нет! Говорит, такого кайфа даже от кокаина не ловил. Хорошо играют, немцы натуральные, он к ним в плен попал, и они его пытать начали, конечно, пытали не на полную катушку, но побили прилично. По-немецки говорили, все чинно. Полная имитация. Мишка Берг даже испугался, когда его вешать потащили. На грудь табличку повесили – «Это есть русски партизан». В петлю Мишку сунули. А тут «партизаны» налетели, отбили Берга. Из гранатомета по фашистскому штабу стреляли, все как полагается. И что же

ты думаешь – Мишка два года как импотент, а ту «переводчицу» дунул за компанию с «партизанами» за милую душу. Натянул по самое не могу, доволен был – сил нет!

– И во сколько ему баловство это влетело?

– Да что-то в двадцатку или в четвертак.

– Ты имеешь в виду – двадцать или двадцать пять тысяч долларов?

– Ой, ну только не надо говорить, что, дескать, с жиру бесятся, на ветер такие деньги выбрасывают, а в это время по всей стране голодают-увядают дети и многострадальные бомжи...

– А ты не юродствуй. Ну и что – этот твой Мишка?

– А что? Он спросил, сколько будет стоить, если он закажет угон самолета?

– Ну, и?..

– Ему сказали, что это вряд ли. Но уж если совсем сильно приспичит, то можно попробовать пробить такую игру, но это... это не менее чем в полмиллиона долларов встанет. Вот такая игра.

– Да, хорошая игра, Леша. И что, ты думаешь в нее поиграть, что ли?

– Почему нет?

– Действительно. При доходе в несколько миллионов долларов в год можно позволить себе всякие прекраснотушия, проще говоря, извращения от нечего делать.

– Ты так говоришь, как будто я чужие бабки собираюсь спускать.

– Да нет, Леша. Теперь-то они уже отмытые, свои. Но все равно – совесть нужно иметь, тебе и твоему Бергу, который начальный капитал составил на рэкете и утюгах с паяльниками, чем он своих должников пользовал, немчура несчастная!..

– А что ты имеешь против Берга? Он, между прочим, мой компаньон. Такой же полноценный, как, скажем, Мавродитис.

– Мавродитис? Ну, этот древнегреческий герой вообще особой строкой в бюджете прописан. Так что можешь мне о нем даже не напоминать. Это надо же такое имя-отчество наворотить: Телемах Одиссеевич! Правда, и хуже бывает, надо заметить. У меня есть один знакомый армяшка, так того и вовсе Гамлетом зовут. Он даже дом себе в Дании по такому случаю купил. Теперь вот на замок копит.

– Ехидный ты человек.

– Ну что ж, не без того. Ну так как с днем рождения, Леша? Мне вообще приходиться или – во избежание скандала – лучше не стоит?

– Нет, ну что ты спрашиваешь? Конечно, приходи. Только, ради бога, без выходов. Без динамитных шашек в торте, как говорится, и без пьяных попов на столах.

– Так без этого твоя жизнь станет окончательно скучна. Хуже не придумаешь. Ладно. Ты сейчас куда?

– В аэропорт. Сегодня из Англии Ленка с матерью приезжает. С тещей, стало быть. Думал, что она подольше там поотвисает, дал ей денег, нормально так дал – а вот все равно едет обратно. Ей сколько ни дай, все спустит.

– Ну так и женился бы на бабе без всяких претензий. А то те нужно было обязательно из богатой семьи, умницу, красавицу, спортсменку, разве что не комсомолку... так что теперь сам и отдувайся. Ленка, она да – характерная, серой мышкой быть не хочет. Да и мамаша у нее еще тот фрукт. Боевая женщина. Все-таки не хухры-мухры, а супруга бывшего кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС! Породнились мы с царями, что называется. Ну ладно, Леша. Поехал я тоже. У меня завтра с утра рыбалка намечается, так что пожелай мне хорошего клева.

– Ну... хорошего.

– Спасибо. Ты только не скучай, Леша. Я к тебе на юбилей обязательно прикачу, ты не сомневайся. И подарок принесу. Конечно, такой подарок, какой эти твои Берги и Мавродитисы, я подарить не смогу, денег просто не хватит. Может, отделаюсь чисто символическим.

– Ну, давай чисто символический...

Глава 1

Нельзя не признать, что во многом завязку этого дела следует усматривать в том памятном разговоре с моим драгоценным боссом, который состоялся великолепным летним вечером. В тот день Родион Потапович явился в офис, он же – дом, в изрядно приподнятом настроении, даже насвистывая какую-то веселую мелодию и с преувеличенной бодростью поприветствовав меня.

Благорасположение г-на Шульгина меня позабавило и порадовало, даже несмотря на упомянутую мелодию, так как при полном отсутствии у моего начальника музыкального слуха это воспринималось, мягко говоря... не очень. А порадовалась я потому, что в последние три-четыре дня Родион пребывал в задумчивости и даже пару раз по рассеянности назвал мою подругу, а свою жену Валентину, то Катей, то Машей, чем дал совершенно необоснованный повод для ревности. Валентина даже советовалась со мной, спрашивала, не мог ли Родион Потапович нагулять где-то связь на стороне. Рассуждения Валентины показались мне откровенно смешными, потому что Родион Потапович был совершенно не способен изменить жене, будучи примерным семьянином.

– Валя, – сказала я, – ты не обращай внимания, как он тебя называет. Когда у него что-то в голове сидит, быть может, новая проблема, какая-то неотвязная мысль, он ничего не замечает. Сама знаешь. Вот меня он в свое время как только не называл: и Мариной Сергеевной, и Кирой Израилевной, и даже Иваном Петровичем называл!

– А ты?.. – не унималась Валентина.

– А я – Мария Андреевна.

– Я не о том... я...

– Да понятно! Валя, ты какая-то странная, честное слово. Как будто ты его первый день знаешь. Да его, кроме работы да его отпрыска, вашего сына, ничто больше и не занимает! Какие уж там связи на стороне...

– Вот видишь, – замогильным голосом сказала Валентина, – вот видишь, ты сама сказала. Работа и сын. А про меня – ни слова. Как будто и нет меня. Он с тобой раз в пять больше разговаривает, чем со мной.

– Ты что, Валька, ко мне ревнуешь, что ли? – проговорила я. – Ну это ты зря. Если откровенно, так твой муж совершенно не в моем вкусе. Очень уж он интеллигентный.

– А тебе что, грубые мужланы нравятся, что ли?

Полемизировать на эту тему я не стала, зная некоторую нервность, появившуюся в характере Валентины после родов. К тому же ничего для нее приятного касательно того, кто в моем вкусе, я сказать не могла. Мой босс, Родион Потапович, имел чрезвычайно цепкий ум и великолепную логику, но у него была совершенно непривлекательная внешность. Настоящий мужчина должен быть, на мой взгляд... как-то пофактурнее, что ли. А Родион Потапович был тощ, а над линией худых плеч на тонкой шее покачивалась внушительных размеров голова, заросшая густыми черными волосами, оснащенная могучими лобными выпуклостями и большими очками. Я всегда настойчиво рекомендовала боссу постричься, но он упорно мои советы игнорировал, а Валентина утверждала, что стрижься Родиону как раз не стоит, потому что у него очень большие уши, и они почему-то всегда красные. Прилив крови к ушам осуществлялся не в последнюю очередь благодаря дорогим коньякам, до коих Родион Потапович Шульгин был большой охотник.

Так вот, в тот памятный летний день он пришел в приподнятом настроении и сказал в моем присутствии Валентине:

– Вот что... Мы завтра пойдем в гости, так что нужно подготовиться. Будет... хорошее общество, так что, дорогая...

– В какие гости? – недоуменно переспросила Валентина. – А почему я ничего об этом не знаю?

– А потому что я только что тебе сказал.

– Ну, Родион, ведь нужно предупреждать заблаговременно!

Он кашлянул, поправил на переносице очки и сказал:

– Видишь ли, Валя... я сам только что получил приглашение. Так что я не мог предупредить тебя... гм... заблаговременно, потому что сам ничего не знал.

– Да? Ну и куда же мы идем?

– Дело в том, что из-за границы приехала одна моя хорошая знакомая... даже родственница, можно сказать...

– Хорошая знакомая? – с нотками агрессии спросила Валентина. – Даже родственница? Это по какой же линии она родственница? По мужской? По женской? По кобелиной?

– Ты не права, Валя, – сказал босс, косо взглянув на меня, и я поспешила выйти из комнаты, чтобы не присутствовать при семейной ссоре. – Ты зря иронизируешь, между прочим. Она приехала из Англии, с дочерью приехала, так что...

– Еще и с дочерью? – донесся до меня голос Валентины.

Продолжения я слушать не стала и вышла во двор. Позже оказалось, что Валентина умудрилась проявить чудеса склочности и, даже не выслушав, куда, собственно, предлагает пойти ей Родион, мимоходом выразила сомнение касательно упомянутой родственницы. К тому же босса угораздило назвать ее почему-то Леной, и разгневанная Валентина, окончательно выйдя из себя, вышла и из комнаты. Хлопнув дверью так, что посыпалась штукатурка.

Когда я снова вошла в кабинет босса, настроение у него, как легко предположить, было далеко не таким приподнятым, как в момент его прихода в офис. Он скользнул по мне рассеянным взглядом, поворошил лежавшие перед ним на столе бумаги и наконец дал понять, что он меня все-таки заметил:

– А, Мария? Ты тут была все время, как мы... вот этот милый разговор по душам... э-э?..

– Нет, Родион Потапович, я не присутствовала. Хотя вы говорили так громко, что кое-что в уши попало. Например, вы совершенно напрасно назвали Валю Леной. С чего вам вдруг пришло на ум, что...

– А! – махнув рукой, досадливо перебил он меня. – Сам не знаю, как это получилось. Лена – это дочка моей родственницы... то есть не совсем родственницы... В общем, она приехала из Англии.

– Это которая вас приглашала куда-то там?

– Ну да. Она дала мне два приглашения, вот. – Родион Потапович вынул из кармана два красных пригласительных билета, стильно оформленных, хорошая полиграфия. – На завтра. Один на меня, второй на мою спутницу. Я-то, конечно, пойду, а вот со спутницей, кажется, возникли проблемы. Да и не так часто я выхожу в свет, как говорится...

– А что же это за родственница-не-родственница, которая приехала из Англии? – весело спросила я.

Шульгин прищурился:

– А... ну это... это моя крестная. Она была подругой моей матери, ну и... стала моей крестной. Когда я был маленьким, крестить детей не рекомендовалось ведь. Могли и с работы выгнать. Если, конечно, простой смертный на этом попадет. А» шишки» – ничего, им с рук сходило.

– Ваша крестная – «шишка»?

– Она-то нет, но ее муж, забавный такой дядька, вот он, что называется, пенсионер федерального значения. Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС был. Вот такой.

– Ничего себе – забавный! – выговорила я.

– Да нет, он хороший. Как выпьет, любит говорить, что если бы не его имя-отчество, то не маялся бы в кандидатах, а быстро попал бы в Политбюро, а там, глядишь... – Родион рассмехался и добавил: – Сколько я его знаю, на этом месте он таинственно закатывал к потолку глаза, а потом разводил руками: дескать, интриги, происки врагов. А так-то он дядька забавный, как я уже сказал. Без царя в голове, но ушлый.

– А как его, ушлого, зовут? Вы говорили, что если бы не его имя-отчество, то попал бы в Политбюро и...

– А, ну да. Леонид Ильич его зовут.

– ?!

– Климов Леонид Ильич – так зовут его.

– А он вам никем не приходится? Если его супруга – ваша крестная, то он...

– Нет. Крестный отец и крестная мать не могут быть из одной семьи. Крестный у меня другой. Тоже забавный. Еще похлеще, чем Леонид Ильич, будет, верно. Ну ладно, не об этом сейчас речь. Что ты мне, Мария, посоветуешь? Может, поговоришь с Валентиной?

– Насколько я знаю, она даже в хорошем настроении с вами никуда не выходила. Не компанейский она человек, любит дома сидеть. Да и сына опять же не на кого ей оставить. Разве что на меня, да и то... эх! – Я безнадежно махнула рукой. Перспектива остаться один на один с орущим маленьким человечком в пеленках меня не прельщала. Особенно если учесть, что Потап (так обозвали несчастного родители) отличался буйством нрава, словно заранее сетуя на те сложности, которые ожидали его в жизни из-за такого прихотливого имени.

Родион сказал:

– Вот что, Мария... может, мы сообща найдем компромиссный вариант? Отказаться от приглашения я не могу, а идти одному как-то... знаешь ли...

Я знала. Валентина была некомпанейским человеком, но еще более некомпанейским существом был мой босс. Была бы его воля, он зарылся бы в свои бумажки и общался бы с миром не иначе, как только посредством телефона, факса и компьютера.

– Родион Потапович, – сказала я, скроив на лице выражение вселенского терпения, – я понимаю, что вы не хотели бы идти один. Но какой компромиссный вариант вы мне предлагаете?

Шульгин хлопнул глазами за чуть затемненными стеклами очков и выговорил:

– Вот если бы со мной пошла ты, было бы совсем хорошо. И Валентине спокойно, и я... ну... под присмотром.

– Я? Родион Потапович, бесспорно, это был бы выход, но только как отреагирует на все это Валентина? Она близко к сердцу принимает все это. Хотя я не вижу никаких причин расстраиваться или паниковать.

– Да я тоже, но Вале этого не объяснишь!

– Вы делаете успехи, Родион Потапович, – сказала я. – Вы правильно вспомнили имя вашей жены. Простите меня, если я несколько вольно... но вы сами видите, как она реагирует. Если вы позволите, то я поговорю с ней, и все уладится. Тем более что вся эта проблема, на мой взгляд, и выеденного яйца не стоит.

– Да, конечно, конечно.

С Валентиной я поговорила. Нет смысла приводить этот разговор, поскольку это было бы переливанием из пустого в порожнее. Я просто передала Валентине все, что узнала от Родиона, и снабдила собственными комментариями, из которых Валентина почерпнула, что если она и хочет разыгрывать из себя домашнюю клушу, то пусть делает это безболезненно и без ущерба для окружающих. В первую очередь – для ее, Валентины, собственного мужа. Кажется, она поняла. Фраза о том, что Родион хочет взять на этот вечер меня, вызвала у нее вздох облегчения. Мне-то, своей подруге, она доверяла. Откровенно говоря, ей и опасаться-то особенно

не приходилось: такой штучный товар, как Родион Потапович, был на любителя. Точнее, на любительницу, но это уж каждый понимает в меру своей испорченности.

Валентина кивала головой...

Я спустилась в кабинет Родиона Потаповича и сказала:

– Все нормально. Она на все согласна. А что это за мероприятие будет?

– А... ну да. Ну да, конечно, забыл сказать. Это банкет по поводу юбилея Мамина.

– Кого? – выговорила я.

– Мамина.

– Это не тот Алексей Павлович Мамин, который в «ММБ-Банке»? Председатель правления этого банка и совладелец «Альков-GSM»? Сотовой связи?

– А откуда ты знаешь?

– Так я там недавно сотовый подключала. Да и вообще Мамин известный человек.

– Да, правильно. Он. Только он больше не председатель правления «ММБ-Банка», он отошел от дел. Теперь там заправляет его компаньон Мавродитис. Так вот, этот Мамин справляет свой юбилей, а готовится банкет в загородном доме Климовых, Леонида Ильича и моей крестной Анны Ивановны.

– А какое отношение к ним имеет Мамин?

– Так самое прямое же! – почему-то обрадовавшись, воскликнул Родион. – Мамин женат на дочери Климовых. Вот как раз на той самой Лене, которая приехала из Англии.

– А у самого этого банкира нет загородного дома на Рублево-Успенском, что ли? – насмешливо произнесла я. – Ни за что не поверю, что у одного из финансовых воротил Москвы нет загородного дома.

– Да все у него есть, конечно! – махнул рукой Родион Потапович. – Все у него есть, да не про нашу честь. Проще говоря, мне тут по секрету крестная сказала, что он, Мамин, не хотел никакого банкета, по крайней мере организацию торжества на себя брать не хотел. К тому же особняк свой он отчего-то не любит, не нравится он ему. А Леонид Ильич, добрая душа, взял да и предложил провести банкет у себя. Вот такие дела.

– Ясно, – сказала я. – Значит, юбилей Мамина? Ну, должно быть, будет роскошно.

– Это уж точно! Да, кстати, чуть не забыл тебе сказать, – вскинул на меня глаза Родион Потапович. – Я уже говорил, что крестные отец и мать не могут быть из одной семьи. Так вот, мой крестный – Павел Борисович Мамин. Отец этого банкира.

* * *

Не могу сказать, что это заявление поразило меня как громом. Я привыкла к тому, что за заурядной внешностью и подслеповатыми стеклами шульгинских очков скрываются тайны, которые только на мгновение приоткрывались мне. С тех пор как мы с Родионом Потаповичем стали работать вместе в детективном агентстве «Частный сыск», я узнала о своем боссе многое. То, что у него обширные завязки со спецслужбами, каналы связи, по которым он черпал информацию, но меня к ним не допускал. То, что у него очень своеобразные методы работы, которые он раскрывал несколько менее неохотно, чем каналы связи, но все же посвящал меня в них с той снисходительностью, с какой Шерлок Холмс поучал доктора Ватсона. И, наконец, то, что в быту он отличался непритязательностью и иной раз даже неаккуратностью, денег на себя тратил чрезвычайно мало, и даже те дорожные коньяки, которые босс любил попивать (правда, в количествах более чем умеренных), в большинстве своем были подарочными. После женитьбы и рождения ребенка личные средства Родиона Потаповича шли преимущественно на маленького Тапика – так уменьшительно, но едва ли ласкательно называл своего отпрыска г-н Шульгин. У него был только один приличный костюм, да и тот прогрыз всеядный шарпей Счастливчик, уже около года терроризирующий всех обитателей частного дома (с первым эта-

жом под офис) на Сретенке. Обитатели – это Родион Потапович, Валентина, их сын, ну и я. Такой состав жильцов очень часто вызывал кривотолки среди пенсионерок окрестных домов, но это происходило только до тех пор, пока Родион Потапович почти в полном составе не завербовал их, старушек и редких старичков, на внештатную работу в наше агентство.

Это сначала показалось мне смехотворным, но вскоре я поняла, что ошибалась. Пенсионерки зачастую лучше профессиональных сыщиков вели слежку. Несмотря на жалобы на многочисленные недуги, наши пенсионерки куда здоровее представителей молодого поколения. Достаточно взглянуть на их поведение в общественном транспорте и при выгулах собак. Родион учитывал качества пенсионеров и потому счастливо прибегал к их услугам. Как любил говаривать он, две старушки-пенсионерки, которым пообещали прибавку к пенсии, стоят чемпиона мира по кикбоксингу в тяжелом весе.

Метод привлечения старого поколения к работе был одним из наиболее понятных для меня. Многие другие Родион просто не считал нужным раскрывать.

Человек загадочный и даже в чем-то могущественный в своей работе, в быту Родион казался мне сущим ребенком, недалеко ушедшим от собственного маловозрастного сынка Тапика. Отличала его уникальная рассеянность, благодаря которой он мог назвать меня Иваном Петровичем, вежливо раскланяться с нагло ввалившимся в его кабинет шарпеем Счастливым или – в период обдумывания какого-нибудь важного дела – съесть комнатное растение. Следить за собой он не умел или не хотел. Мне приходилось совмещать обязанности секретарши, частного детектива, а часто няньки и уборщицы, когда босс в интеллектуальном угаре бросал сигарету на пол, ставил свои туфли на вешалку или поливал кетчупом клавиатуру своего ноутбука, благодаря чему два несчастных компа таким манером отправились на свалку.

Впрочем, все это не мешало боссу быть одним из лучших детективов столицы. И потому я совершенно не удивилась, когда узнала, что отец банкира Мамина является крестным моего босса, а крестной матерью – жена бывшего бонзы коммунистического Политбюро.

Вот такое неожиданное родство через церковь.

Глава 2

Подготовка к банкету шла полным ходом. Босс раскопал где-то костюм, который, по всей видимости, отбил у проклятых буржуинов еще дед Родиона в Гражданскую. Одна штанина была трачена каким-то грызуном, ко всему прочему от костюма несло затхлым, лежалым запашком, а также нафталином и почему-то керосином. Босс побрызгался духами «Кензо» и подумал, что теперь он совершенно готов для торжества. В сочетании с нафталином и керосином аромат духов приобрел совершенно неповторимые оттенки.

Мне пришлось долго убеждать Родиона Потаповича, что это совершенно не годится, а потом я буквально поволокла его в бутик, где были куплены прекрасный черный костюм, туфли и галстук. Поразмыслив, я заставила купить босса также и белую рубашку, поскольку резонно предположила, что рубашки-то у Шульгина имеются, но их белизна весьма сомнительна.

Но мои усилия едва не пошли прахом, когда босс, примерив дома обновки, заявил, что в таком виде он напоминает самого общипанного контрабасиста из струнно-духового оркестра. Я возразила, что обычно контрабасисты – люди выдающиеся хотя бы в смысле физических данных, потому что не каждый способен таскать упомянутый смычковый музыкальный инструмент. После этого я заявила, что те тапочки едва ли не на картонной подошве и с бумажными стельками, которые надел на себя босс вместо купленных в бутике туфель, годятся разве что труп, но уж никак не живому и умному человеку, к тому же собравшемуся на блестящее торжество к видному в столице человеку. Я призвала в свидетельницы Валентину, но та продолжала играть роль клуши и потому ничего не сказала, кроме как: «Кажется, сыночек разревелся», всплеснула руками и умчалась, гремя домашними тапками.

Да, моя подруга сильно изменилась с тех пор, как вышла замуж и родила. И кажется – не в лучшую сторону...

Я прокляла все на свете, пока собралась сама и проследила, чтобы босс был в порядке. Он наконец-то взялся за ум. Надел стильные очки в дорогой оправе, которые он неизвестно зачем держал в нижнем ящике стола, и облачился в купленный черный костюм. И приобрел определенное сходство с известным голливудским режиссером Стивеном Спилбергом. При этом кинематографическая ипостась Родиона Потаповича Шульгина улыбалась так, будто только что огребла очередной «Оскар».

– Вот это уже совсем другое дело, – с удовлетворением сказала я. – Прекрасно выглядите, босс. Вот теперь вы в порядке.

– Благодарю, Мария, – церемонно отозвался тот. – А ты что наденешь?

Это внимание только порадовало бы меня, не будь я в этот момент уже совершенно собрана, с уложенными волосами, с макияжем, в вечернем платье, в новых туфлях на шпильках. Босс же, казалось, и не заметил. Но я не повела и бровью, ответила спокойно и с подчеркнутой серьезностью, насквозь пропитанной насмешкой.

– Как что? – невозмутимо ответила я. – Разумеется, свой любимый деловой костюм с пуговицами для дымовой завесы, туфли со шприцами с нервно-паралитическим снадобьем, а также возьму косметичку с пластитом и детонатором, заколку с пулей со смещенным центром тяжести, а увенчаю все это великолепие браслетом с электрошоком. Сюда же присовокуплю накладные титановые ногти, которые поострее бритвы будут, если что.

Босс хлопнул себя по голове, сбив только что уложенные в прическу волосы, и воскликнул:

– Прости, Мария... опять, опять проклятая рассеянность! Ты уже готова... готова, да?

– Вы проявили наблюдательность, – улыбнулась я. – Наконец-то. Да, кстати... а на чем мы туда поедем, босс? Если мне не изменяет память, ваша машина давно простаивает на стоянке

и, наверно, уже в нее вросла, а у моей, как вы помните, полетела подвеска, так что она сейчас на приколе в ремонте.

Босс широко ухмыльнулся:

– А вот тут ты меня уже ни в чем не упрекнешь. Я вызвал машину. Не какое-нибудь такси, а взял напрокат «Кадиллак». Белый. С водителем. На двое суток, так что, если поедем сегодня, а приедем завтра вечером, все ничего. Отдыхать так уж отдыхать!

– Что слышу, Родион Потапович! – воскликнула я. – Вы проявили прямо-таки государственную мудрость! Недаром едем в гости к бывшему члену ЦК КПСС.

Зазвонил телефон. Родион Потапович взял трубку:

– Да, Шульгин! Здравствуйте, Анна Ивановна. Да... это я, вы что, не узнали меня, крестная? Да... да... понял. Нет, не с женой. С другим очень близким человеком. Не надо смеяться и употреблять слово «любовница». И тюфяком меня тоже называть не надо, – смеясь, добавил босс. – Имя: Якимова Мария Андреевна. Так что внесите в списки, чтобы ваши церберы не того... что? Вышколенные? Вот то-то и оно. Спасибо, что позвонили, нашли время. У вас там, верно, дым коромыслом? Ну хорошо. Я понял, как ехать. Подарок мы еще не... Что? Не нужно подарка? Простите, но... Значит, не нужно подарка. И так задарят. Понятно. Спасибо. До встречи.

– Супруга Леонида Ильича? – улыбнулась я.

– Вот именно, – ответил босс. – Объясняла дорогу. И сказала, что никаких подарков везти не надо. Все равно отберет охрана. На случай теракта: вдруг под видом подарка какой-нибудь болван привезет взрывное устройство. Как сказала крестная, такие люди, как Маминов, предпочитают подарки по безналичному расчету.

– Интересно.

– Да уж... Банкиры – у них свои заморочки.

Анна Ивановна объяснила Родиону дорогу весьма подробно, и уже через час после того, как к офису подъехал взятый напрокат белый «Кадиллак» с обещанным шофером, мы благополучно въезжали на территорию владений Леонида Ильича Климова, обнесенных кованой чугунной решеткой.

У ворот стоял рослый охранник с автоматом и невысокий человек в черной ветровке с кожаной папкой в руках. У этого последнего была массивная нижняя челюсть и немигающий чекистский взгляд.

– Добрый день, – приветствовал он нас, заглядывая в окно «Кадиллака», – будьте так любезны: ваши имена, фамилии, отчества.

– Шульгин Родион Потапович, – ответил босс, протягивая свой паспорт, – и Якимова Мария Андреевна.

Человек со взглядом чекиста просмотрел документы, заглянул в свою кожаную папку и кивнул: проезжайте. Охранник с автоматом отступил и махнул рукой, давая понять, что путь свободен.

У двухэтажного дома с остроконечными башенками и длинным одноэтажным флигелем, выстроенного в типично «новорусском» – пышном и безвкусном – стиле из красного кирпича, уже стояло пять машин, из которых выделялся длинный черный лимузин. За домом с остроконечными башенками виднелся еще один особняк, серый, безликий, соединенный с первым застекленной галереей, заставленной кадками с экзотическими растениями. Конечно, это я узнала позже.

«Роллс-ройс» – это, кажется, хозяин дома, Леонид Ильич, приехал, – отметил Родион Потапович, выходя из машины. – Значит, и крестная должна быть здесь.

Анна Ивановна Климова оказалась невысокой, плотной, но очень миловидной дамой средних лет, с веселым круглым лицом и красивыми темными глазами, в которых то и дело искрами вспыхивал смех. Она приобняла босса, сказала ему несколько дежурных слов, привет-

ливо поздоровалась со мной («Вы Мария? Очень приятно, благодарю вас за то, что вы почтили нас своим вниманием») и пригласила пройти в гостиную, где уже собирались гости. Машины подъезжали во двор одна за другой, и поток гостей становился непрерывным.

Поднимаясь на второй этаж, я отметила про себя, что двое рослых молодых людей в одинаковых, идеально пригнанных по фигуре черных костюмах стоят в вестибюле, трое на лестнице – уже пятеро, а мы еще только вошли. Судя по всему, весь дом набит охраной. Родион заметил мое внимание к этой неотъемлемой принадлежности сегодняшнего торжества и сказал:

– А что ж ты хотела? Ведь юбиляр – сам Маминов!

– Да, – сказала Анна Ивановна. – К тому же и Берг, глава «Альков-GSM», и Мавродитис, председатель правления «ММБ-Банка», также будут тут в числе гостей Алексея. – Она улыбнулась, показывая два ряда безукоризненных зубов. – Леонид Ильич принял необходимые меры безопасности. Вы же знаете, какой в России уровень преступности, – пафосно закончила она.

В гостиной уже находилось около двух десятков человек. Большую часть гостей еще ожидали. Кто-то вел светскую беседу, кто-то неторопливо прохаживался, из бильярдной, где окопались мужчины, раздавался характерный стук шаров. Мы с Родионом присели в кресла, оглядываясь кругом, и в этот момент к нам приблизилась Анна Ивановна в сопровождении высокой и статной молодой женщины в открытом вечернем платье, выгодно подчеркивающим все достоинства ее прекрасной фигуры. Чуть оттопыренная нижняя губка и полуприкрытые веки усиливали выражение высокомерной отстраненности. Величавая осанка, красивая шея, полная достоинства сдержанность в мимике и движениях. Сначала мне показалось, что спутнице Анны Ивановны не больше двадцати лет, но, приглядевшись, я пришла к выводу, что той не меньше двадцати восьми – тридцати лет, то есть она моя ровесница.

– Родион, Мария, – произнесла Анна Ивановна, – позвольте представить вам мою дочь Елену. Лена, Родион Потапович мой крестник, вы были с ним знакомы в детстве. Ты, наверно, не помнишь, он постарше, а ты была совсем еще маленькая.

– Нет, я помню, – выговорила Елена. – К тому же мама рассказывала о вас и всегда приводила как пример, достойный подражания.

«Пример, достойный подражания», – это звучало как-то искусственно, но можно было извинить женщину, которая, по всей видимости, редко жила в России в последнее время. Тем более что произнесена была фраза с великолепно сыгранными приязнью и радушием, скрывавшими впечатление от неуместности употребления вышеупомянутого оборота.

Родион что-то ответил, довольно-таки впопад, а Елена повернулась ко мне, и взгляд ее чуть презрительных темных глаз еще более красивого разреза, чем у ее матери, коснулся моего лица, потом мельком пробежал по моему платью, и выражение легкой презрительности почти испарилось.

– Мне очень приятно познакомиться с вами, Мария, – произнесла она, а выразительные темные глаза словно шепнули: «Как, и неотесанные русские лапотники стали одеваться со вкусом и к месту?» Потом взгляд ее глаз лениво перекатился на босса, и она сказала, ни к кому не адресуясь: – Нисколько не сомневаюсь в том, что мы подружимся.

Не знаю почему, но это меня задело, и я ответила:

– Можно усомниться в чем угодно, но это ставить под сомнение не следует ни в коем случае, дорогая Елена.

Анна Ивановна взглянула на меня одобрительно и с явной симпатией. Елена повела точеными плечами и поплыла от нас по паркету гостиной. Родион, кажется, опять думал о чем-то своем. И в этот момент из бильярдной вышел невысокий, щуплый стареющий мужчина в дорогом светло-зеленом костюме, совершенно не идущем к его тощей жилистой шее и красному морщинистому лицу. Левый рукав пиджака был сильно запачкан мелом, в правой мужчина держал кий. Мужчина был заметно навеселе, что сильно его старило, потому что глупо-

ватая улыбка подчеркивала морщины в углах рта и вокруг глаз. Он церемонно поцеловал руки дамам и развязно обратился к Анне Ивановне:

– А что, драгоценная, Рыжий Ап еще не соизволил прибыть?

– Кто? – переспросила та. – Это что-то из рекламы, кажется? Ты что, какого-то эстрадника подписал на этот банкет?

– Господи, какая ты непонятливая у меня, – прогнусавил Леонид Ильич (а это был, несомненно, он) и подошел к огромному, до потолка, стрельчатому окну, а потом отвернулся от него и проговорил: – Нет, кажется, не приехал. А все в принципе уже готово. Рыжий Ап, милая, – обратился он к своей жене, Анне Ивановне, – это наш с тобой зять. Ап – Алексей Павлович, а какого цвета у него волосы, ты и сама знаешь.

Леонид Ильич взъерошил редкие седые волосы и, подмигнув дочери, спросил:

– Небось соскучилась по мужу, а, Ленка?

Та отвернулась от отца, и я удивилась, насколько же они непохожи, отец и дочь: он – старый, бодрящийся, морщинистый, с длинной гусиной шеей, невпопад юморящий и пьяненький, а она – чопорная, статная, грациозная, немногословная.

– Соскучилась, – решил для себя Леонид Ильич и мелко, дребезжаще засмеялся, – небось в Англии не мужики, а медузы. Англичане, одним словом!

Он снова стал коситься в окно, а потом закричал на всю гостиную:

– А, явился юбиляр! Вот его авто бочком притаранило ко входу!

– Не кричи так, Леонид Ильич, – сказала хозяйка.

– Да чего там, вот и Рыжий Ап прискакал! – не обращая ни малейшего внимания на жену, радостно вопил бывший кандидат в члены Политбюро, прилипнув к окну. Все гости с любопытством обернулись на трубный глас хозяина дома и тоже подошли к окнам. Родион и я последовали общему примеру.

* * *

Во двор въехал великолепный черный «Линкольн», судя по всему, совсем новенький и матово отливающий на солнце. Его сопровождал черный «Мерседес-600», а замыкал вновь прибывшую автоколонну темно-зеленый джип «Хаммер», обрызганный грязью и с разбитым правым подфарником. Из него вывалились трое массивных молодых людей, а из «Линкольна» вышел невысокий, но очень широкоплечий мордатый казах с узкими глазками и распахнул заднюю дверцу лимузина. Оттуда показался высокий молодой мужчина лет тридцати пяти, с короткими рыжеватыми волосами и уже лысеющий. Он был в легком сером плаще поверх серой же рубашки и почему-то держал в руке миниатюрный ноутбук.

Из черного «мерса» извлек свои телеса основательный солидный мужчина с толстым, почти простодушным лицом и маленькими бульдожьими глазками. Он был в белом костюме и разговаривал по крошечному серебристому мобильнику, а потом, закончив разговор, поразмыслив, сунул телефон в руки одному из охранников и с достоинством зашагал к парадному входу вслед за человеком в сером плаще.

– Ага, приехал, негодяй, – улыбнулся Леонид Ильич и уже благодушно пронаблюдал, как из темно-зеленого джипа с разбитым подфарником вышел рослый седой мужчина с властным млажавым лицом и крупными шагами нагнал людей из «Линкольна». Леонид Ильич повертел головой в поисках ушедшей встречать гостей супруги и пробормотал: – Аня... это самое... ты где? – Его глаза остановились на мне, и я машинально ответила, куда именно направилась хозяйка дома.

– Что вы говорите? Ах, да! – Леонид Ильич постучал себя пальцем по лбу и снова перевел взгляд на меня.

Надо было видеть, как маслено вспыхнули при этом его глаза и рот сам собой разъехался в приятной улыбке.

– В самом деле? – в порядке зондирования почвы переспросил он и приблизился ко мне. Впрочем, более детальному рассмотрению моей внешности помешало появление в гостиной трех новоприбывших гостей. За ними в некотором отдалении следовал угрюмого вида широкоплечий казах, тот самый, что открыл заднюю дверцу «Линкольна»; остальной конвой, видимо, незаметно рассосался по пути.

С гостями шла Анна Ивановна и весело смеялась какой-то двусмысленной шутке господина с бульдожьими глазками, оглаживающего лацканы своего белого костюма.

Леонид Ильич всплеснул руками и пошел навстречу гостям. К некоторому моему удивлению, он проигнорировал вальяжного толстяка в белом костюме и подскочил к мужчине в серой рубашке, тому самому, в плаще и с ноутбуком. Плащ он уже снял, ноутбук отдал охране, остался в темных брюках и рубашке. По сравнению с толстяком и особенно Леонидом Ильичом он выглядел почти мальчишкой. Пенсионер федерального значения полез обниматься с ним.

Этот молодой мужчина в серой рубашке, с короткими рыжеватыми волосами и был знаменитый Маминов, банкир. Родион толкнул меня в бок, потому что гостей попросили за столы, а я осталась стоять, пристально глядя на Алексея Павловича. Рыжий Ап, мелькнуло в голове. Забавно. Да, действительно: что-то из телевизионной рекламы.

Знаменитый банкир, оказавшийся подозрительно молодым, словно не заметил гостей, а молча уселся возле Леонида Ильича во главе уже накрытого стола. Рядом с ним плюхнулся толстяк, как оказалось – нынешний председатель правления «ММБ-Банка» Телемах Одиссеевич Мавродитис.

За спинами Маминова, Климова и Мавродитиса неслышной тенью стоял тот самый угрюмый казах. А может быть, и китаец или кореец, откровенно говоря, я плохо разбираюсь в этом.

Все шло своим чередом: гости ели, пили, провозглашали тосты. Наконец Мавродитис объявил, что он поздравляет дорогого юбиляра за себя и за Михаила Карловича Берга, который приехать не смог, но сделал Алексею Павловичу дорогой подарок: «Ламборджини дьябло». Подарок совместный, и от Берга, и от Мавродитиса, потому что покупали они его сообща. Не какая-нибудь дешевка, а авто стоимостью почти в триста тысяч долларов.

После этого нам с Родионом стало понятно, почему Анна Ивановна просила нас не делать подарков. Дескать, что вы сможете подарить, нищоброды?..

Я наклонилась к Родиону и сказала:

– А юбиляр-то очень на свою жену похож: такой же, такая же... вяленая рыба. Не то что грек.

– Это верно, – отозвался босс.

Обрусевший грек Мавродитис, веселый и остроумный, тотчас оказался в центре общего внимания, шумел, пыхтел, провозглашал тосты во здравие всех присутствующих, не забывая при этом активно работать челюстями. За Елену Леонидовну, жену Маминова, он выпил трижды, причем последний тост был настолько забавен, что вызвал слабую улыбку на ее холодном высокомерном лице.

На его фоне угрюмый, бледный, молчаливый Маминов выглядел блекло и незаметно. За все застолье он не сказал ни одной фразы, в которой было бы больше трех слов. При этом у него оказался не очень приятного тембра скрипучий голос.

Банкет закончился часов в двенадцать ночи, и большинство гостей разбрелись по дому. Кто-то, а таких было меньшинство, продолжил целенаправленно напиваться за столом, кто-то отправился восвояси, а кто-то пошел на покой в отведенные для того гостевые спальни. Леонид Ильич с Мавродитисом пошли играть в бильярд, юбиляр куда-то пропал вместе со своим охранником-азиатом, а мы с Родионом, не желая ни спать, ни уезжать, устроились курить на длинной застекленной галерее, на которой стояли низенькие мягкие кожаные диванчики и

кадки с пальмами и другими экзотическими растениями между них. Я пила слабоалкогольный коктейль, Родион потягивал коньяк с лимоном.

Неподалеку от нас, как оказалось, сидели Анна Ивановна и Елена, жена Мамина. Мы с Родионом невольно стали свидетелями невинного разговора, в свете последующих событий получившего совершенно иное звучание.

Говорила Елена Мамина по-английски:

– А что же, я вполне довольна. Он дает мне достаточно денег, чтобы я могла их тратить. Нет, мама, он, конечно, хороший. Насколько вообще можно быть хорошим в той среде, в какой мы вращаемся. Мы с ним живем пять лет, так?

– Шесть.

– Ну, пусть шесть. И два года как он отошел от дел и стал, в сущности, простым рантье, которые живут на проценты. Да, за это время мы объездили весь мир. Да, ему есть чем оплачивать все то, что он имеет. Да, он поместил капитал сверхнадежно, удачно. Но он не любит рисковать. Он не задумывается над тем, что можно жить по-другому, а не по гарантии. Мавродитис предлагал ему вложить средства в какую-то транснациональную корпорацию. Алексей отказался: риск. А без согласия Алексея Мавродитис не наберет и миллиона. Все главные активы под контролем мужа, и он пальцем не пошевелит, чтобы...

– Лена! – перебила ее Анна Ивановна. – Я сто раз тебе говорила, что тебе не надо лезть в мужские дела. Он дает тебе деньги, много денег, а ты еще возмущаешься тем, что он получает их регулярно, более того, эта регулярность тебя даже бесит! Лена, я же говорила тебе, что женщина должна получать от жизни удовольствия, а не забивать себе голову разными глупостями.

– Мама, не хочу так жить! У него холодная кровь, у него рыбий темперамент, нет... ты не понимаешь. Ты сравниваешь его с папой, папа, конечно, урод и шут...

– Лена!

– ...но все-таки он живой, мой папа, чувствуется, что он человек, что у него кровь в жилах, а не жабыя слизь какая-то! – сорвалась на родной язык Лена и дальше продолжала на нем же: – А Алексей – он как мумия. Как мумия, которую на время извлекли из гробницы, где эта мумия... да, с дутым достоинством и многовековой спесью возлежала неисчислимое количество лет! Недавно он говорил со мной по телефону, когда я звонила ему из Ливерпуля, и знаешь, о чем мы с ним говорили? Ты думаешь, он хоть словом упомянул дочку, которую он бросил на руки этих нянек-мамок в дорогом пансионате? Думаешь, он спросил про Маринку, свою сестру? Да нет! Он битый час рассуждал о том, как здорово развлекся Мишка Берг, прибегнув к услугам фирмы... фирма та – прогоревшая киностудия со своим инвентарем, реквизитом, актерами, декорациями! Делают постановки наживую! Сварганили этому Бергу точное подобие... как если бы он, партизан, напал на село, где расположился гарнизон фашистов! Берг там трахал какую-то шлюху...

– Лена, как ты можешь!..

– ...какую-то шлюху, изображающую то ли связистку, то ли переводчицу, которую насилюют партизаны! И вот про это Алексей мне рассказывал, и чувства у него в голосе было куда больше, чем если бы он говорил обо мне, о дочери, о своем папаше, наконец!.. Да, кстати: если выбирать между моим Маминым и его отцом, то я выбрала бы второго, потому что, хоть ему и под шестьдесят, все равно он больше похож на мужика, чем моя рыжая банкирская кукла!

– Лена, ну как же тебе не совестно! Ты прекрасно знаешь, что если бы не Алексей, то мы жили бы гораздо хуже. Или вовсе прогорели бы. Сам знаешь, какой из твоего отца делец был, когда его вывели из ЦК, а потом и сам ЦК накрылся дырявой шляпой.

– Да я ничего не говорю, раньше, когда Алексей работал, он был другим. Холодным – да, но все-таки в нем еще живой человек просыпался иногда. А теперь – кисель, рухлядь, манная каша, не мужик!

Эти слова раскатились по всей галерее. Впрочем, кроме нас и тех, кто принимал непосредственное участие в том живом разговоре, никто слов Елены слышать не мог – разве что пьяный мужик с седеющей головой и в черном пиджаке, наверно, из числа особо налегавших на спиртное гостей, что лежал на кожаном диванчике, свесив руку до пола и по-сиротски поджав под себя ноги, на одной из которых не было ботинка.

– Манные каши и кисели не становятся миллионерами, Лена! – донесся до нас суровый голос Анны Ивановны. – Уж тебе это хорошо должно быть известно.

– Эт-та точно-а! – вдруг раздался над моим ухом хриловатый голос, и мужчина в помятом черном пиджаке, тот самый, что минутой раньше мирно почивал на диванчике, опустился прямо на журнальный столик рядом со мной и Родионом Потаповичем. – Эт-та она пральна-а-а сказала... дурра!

Седые волосы мужчины растрепались и упали на лоб. На переносице молодецки, как храбрая собака на заборе, косо сидели очки. Босс оглядел подвыпившего гостя, чуть приподнялся с диванчика, был подчеркнута вежлив:

– Простите, с кем имею честь?

– Эм-м... а как же меня, собственно, зовут... н-да! Кстати, а вы не видели, куда делси-и... э-э-э... мой правый башмак? Не видели, нет?

Первая же его фраза вызвала мгновенную реакцию: беседовавшие в нескольких метрах от нас Елена и Анна Ивановна как по команде поднялись и, не оборачиваясь, направились к выходу из галереи. До меня, Впрочем, долетели тревожные их голоса. В самых дверях Елена обернулась, она смотрела в нашу сторону, и мне между ветвями пальмы удалось поймать ее взгляд. Он был холоден и насторожен...

Глава 3

– Без сомм...нения, обсуждали они сегодняшнего юбиляра... да-с! – заявил седой нетрезвый господин, опрокидывая столик, на котором сидел. Последствия этого оказались при-скорбны для несчастного, потерявшего башмак: он пребольно шмякнулся спиной об пол и стал ругаться.

Родион приподнялся с дивана, на этот раз чуть больше, и проговорил – в его голосе уже звучали требовательные нетерпеливые нотки:

– Я вас уверяю, что около нашего дивана вашего башмака нет. Так что, прошу вас, если вы устали, то пройдите в комнаты для отдыха и там поспите.

Мужчина поднял на Родиона веселый взгляд и отозвался, хитро прищурился один глаз:

– Твой диван, мой диван... было ваше – станет наше. По закону военного вре-ме-ни! А степная трава пахнет горечью, малладые ви-итра зе-ле-ны! Пррросыпаемся ммы – и грра... хочет над полночью!..

– Товарищ, вы пьяны, – терпеливо сказал Родион и, повернувшись ко мне, спросил: – Может, охрану вызвать?

– Да не надо, – ответила я. – Хороший мужчина, только вот перебрал немного. Главное, чтобы без эксцессов.

– Во! – обрадовался пьяный гость банкира Мамина и цекиста Климова. – А я что говорю? Главное, чтоб человек хорроший был!!

Он наклонился вперед и попытался было меня поцеловать в щеку, но я ловко уклонилась. Он пошатнулся и сказал:

– Да... а юбилярру... я ж ничего и не подарил!

– Я думаю, он в твоих подарках и не нуждается, – пробормотал себе под нос Родион.

Если у седого и была нарушена координация движений, то со слухом у него все было в порядке. Он явно расслышал, что сказал босс, и выговорил:

– А вот пойду и подаррю. Да! А что ж... вы меня не знаете. Не зна... не зна-ете, где мой башмак?

Родион повернулся ко мне с тем муторным страдальческим выражением, с каким он почти ежедневно поднимался на третий этаж успокаивать разошедшегося в отсутствие вышедшей в магазин Валентины отпрыска. А пьяный мужчина продолжал трясти растрепавшейся седой челкой и развивать свою мысль:

– Вот пойду и поздравлю. У меня тут и припасен... подарочек такой.

– Я думаю, вас не пустит к Маминову охрана, – сказала я.

– Н-да? – вскинул он брови. – Вот... зза-бот-ливая вы наша!..

Он полез с поцелуями вторично, но я снова уклонилась и на этот раз чуть подтолкнула его в бок, отчего он в целях сохранения равновесия взмахнул руками, да так удачно, что сбил с переносицы Родиона его очки. Те моментально описали дугу и врезались в кадку с пальмой. Сиротливо хрустнуло стекло. Босс пощупал «голое» лицо и поднялся теперь уже в полный рост. И по тому, как бойцовски взъерошились волосы на затылке у босса, и по тому, как сверкнули его маленькие, но в высшей степени выразительные глаза, я поняла, что юбилей без рукопри-кладства не обойдется.

Родион тоже недурно выпил, понятно. Вот оттого и горячится. Я схватила босса за руку и почти силой усадила обратно на диван:

– Родион Потапыч! Ну честное слово! А вы, гражданин в одном ботинке, – повернулась я к седому, – идите прилягте, прошу вас.

Вместо того чтобы последовать этому совету, гость в одном ботинке повел себя еще более вызывающе – он расхохотался и, перемежая свои слова иканием, пробормотал:

– Как ты его назвала? Ро-ро...дион По-по...по-па...та-пыч? А, ну как же я сразу не...
Босс стремительно вскочил и холодно выговорил:

– Вот что, милейший. Вы вполне можете оказаться банкиром или генералом ФСБ, общий контингент гостей к тому располагает, но я не дам себя оскорблять! Ясно тебе?

– Но... ты... эт-та... – начал было тот, но Родион тотчас же перебил его:

– И знать не знаю, где твой ботинок! Сам, сам ищи, понятно тебе? Мария, пошли!

Мы поднялись с дивана и тут же увидели, что в галерею входят Анна Ивановна и Елена, а с ними – еще трое мужчин. Над обнаженным плечом Елены мелькнуло сосредоточенное бледное лицо Мамина.

* * *

Маловыразительные светлые глаза экс-банкира недоуменно окинули галерею. Чуть за ним следовал неизменный телохранитель-азиат. На некотором расстоянии от них катился еще один представитель сильного пола, но вполне веселый и жизнерадостный, на его лице лучилась белозубая улыбка, а глаза приветливо и масляно поблескивали. Это был Мавродитис.

Елена и Анна Ивановна остановились у самых дверей, а дальше направились только Мамина и его телохранитель. Мавродитис задержался возле дам, что-то говорил им, весело и бурно жестикулируя, но принужденно улыбалась и согласно кивала только хозяйка дома, а ее дочь даже не потрудилась изобразить, что она слышит Телемаха Одиссеевича. Полные чувственные губы ее подрагивали, выдавая, что происходящее задело ее за живое.

Только что именно – я пока не понимала. Неужели то, что их разговор стал хотя бы частично слышен другим? Да нет, вряд ли. Если бы они стремились к конфиденциальности, то устроились бы в одной из комнат загородного дома Климова. Мнение общества, я так понимаю, вообще мало волнует эту Елену. Нет, тут что-то другое.

Иначе не явился бы сюда Мамина собственной персоной.

Впрочем, все выяснилось в первую же минуту. В первой же фразе. Первым же словом экс-банкира.

– Папа, – сказал он своим спокойным скрипучим голосом, и у Родиона запрыгали губы, а у меня дрогнули ресницы и широко раскрылись глаза, – я просил, чтобы ты вел себя прилично. Я же предупредил тебя: ради бога – без выходок.

– Б-без динамитных шашек в торте, как говорится, и без пьяных п-попов на столах, – отозвался тот. – Это я все помню. И я все выполнил. А что я, собственно, такого сделал? Беседую со своим крестником, разбил ему очки, безобразничаю помаленьку – и все тут. Да, кстати, – он осмотрел всех тех, кому адресовались его слова, и обратился сначала к Родиону Потаповичу, а потом к Мамину: – Вот, познакомьтесь. Вы же это, в некотором роде... братья. Один – биологический сын, второй – крестный. А то как-то непонятно, когда гость и юбиляр... м-м-м... между собой не знакомы. Смешно, но факт. Ты не узнал меня, – повернулся он к моему боссу, – и я тебя тоже не узнал. Лет пятнадцать не виделась, а? Так что ты меня извини... я не над тобой смеялся, а над собой... когда понял... что собствен-ного... собственного крестника не узнал.

– Ничего, Пал Борисыч, – уронил озадаченный Шульгин.

– И все-таки, папа, – холодно выговорил Мамина, не обращая никакого внимания на Родиона Потаповича, – я прошу вести себя потише. Иначе приставлю к тебе Хала, – он кивнул на будто окаменевшего охранника-азиата, – он будет учить тебя хорошим манерам.

– Да-а, нау-учит! – присвистнул Мамина-старший. – Как известно... м-мичман Халмурзаев по прозвищу Хал в пору своей военно-морской службы имел на погонах две звездочки, что значительно превышало количество его мозговых извилин... уф! Выговорил. А теперь,

стало быть, отставной м-мичман Халмурзаев...ик!.. будет учить меня хорошим манерам. Понят-на-а!

– Я приношу вам извинения за поведение моего отца, – обращаясь к нам, сказал Маминов подчеркнуто любезно. – Он немного переусердствовал, налегая на напитки. Я сейчас отправлю его отдыхать. Хал!

Могучий телохранитель-азиат направился в сторону Павла Борисовича, но тот решительно замахал на него руками:

– Да и не пробуй даже подходить ко мне, меружан обезьяна! Кто пьян? Я пьян? Это, может быть, философский вопрос... кто из нас больше пьян! Да.

Хал продолжал молча идти на отца своего шефа.

– Да что ты на меня так смотришь? – выговорил Павел Борисович.

Хал протянул к нему руки, но Маминов-старший неожиданно проявил проворство и, увернувшись от телохранителя, произнес быстро-быстро, как бы боясь, что его перебьют:

– Ты, Леша, не прав. Ты, Леша, горячишься. Я тебе даже подарок еще не сделал, а ты меня, родного отца, рад уж в какую-нибудь комнатенку закатать, чтобы я тебя своим антиобщественным видом не дискредитировал!

– Хал, не тронь! – почти как собаке, приказал азиатцу Маминов. – Ну, какой еще подарок, папа? Что же раньше не подарил, когда все?..

– А я не могу, как все, ты что... еще не уяснил?!

– Уяснил, – мрачно сказал отошедший от дел банкир. – Ну, что за подарок? – Он оглянулся на нас, но Павел Борисович предупредил возможную его фразу встречным:

– Ничего, при них, они, можна-а-а сказать, свои. Значит, так, Леша. Я же предупреждал, что у меня денег не так много, как у твоих этих... которые дарят машины за триста «штукарей» в гринах. Как обещал: чисто символический подарок!

И он, потянувшись во внутренний карман, медленно извлек оттуда... по напряженному лицу Хала можно было предположить, что он ожидает от Маминова-старшего по меньшей мере компактную ядерную бомбу... но Павел Борисович вынул оттуда безделушку. Что-то похожее на фигурку гнома в шляпке. При ближайшем рассмотрении это оказался не гном, а просто толстый человечек в смокинге, с нагловатым лицом и самодовольной улыбкой. На его шее висел ключ, на котором было выгравировано число 350. На голове же у человечка была не шляпка, а цилиндр.

Откровенно говоря, мне подарок показался забавен, но по холодному лицу Маминова скользнуло какое-то настороженное, почти неприязненное выражение, когда он брал из рук отца этот «чисто символический подарок». Тот карикатурно расцеловал сына в обе щеки, как будто тот был не всемогущим финансистом, а маленьким мальчиком. Наконец Алексей Павлович рывком уклонился от образцово-показательных пантомимических объятий и поцелуев подгулявшего родителя и выговорил, как швырнул:

– Спасибо за подарочек. Где это ты раздобыл этакое чучело? Ну ладно. И на том спасибо.

– Это не чучело, – пояснил Павел Борисович, речь которого наконец-то (и довольно неожиданно, по крайней мере для меня) обрела связность, – это капиталист-финансист. Важный человек. Правда, сейчас он ничего не делает – только трясется над золотом своим. А раньше он очень уставал на работе, и потому редкие дни отдыха у него являлись чем-то вроде похмельного синдрома после опьянения бешеной деятельностью, которую он развивал. Когда-то он был жутким трудоголиком и не мог даже заснуть, чтобы не думать о своих акциях, облигациях, векселях, екселях-мокселях! А теперь мой капиталист-финансист заскучал. Ему даже неохота трахать собственную жену. Кстати, ее я тебе как-нибудь подарю на досуге. Симпатичная такая куколка.

– Хватит. Хал, за мной!

– А теперь этот капиталист-финансист, у которого все благополучно, – не унимался Павел Борисович, выкрикивая в спину удаляющемуся сыну и его телохранителю, – скучает и ищет себе на жопу проблем, приключений. Пусть даже бутафорных. Вот, даже ключик от своего сейфа подготовил, чтобы бабки вынимать, которыми он за эту бутафорию расплачиваться будет. Ищет себе игру, которая бы его развлекла. А не знает того, что жизнь и есть самая дорогая и жестокая игра, и никаких денег не хватит, чтобы ее оплатить, если расплачиваться по полной программе!

– Пьяная скотина! – пробормотал Маминов и хлопнул дверью галереи так, что вылетело стекло в двери. Вслед за ним вышли и Хал с Мавродитисом и Анна Ивановна с Еленой.

Павел Борисович достал из-под дивана бутылку вина и хватил здоровенный глоток прямо из горлышка (первый раз я видела, как дорогое французское вино пьют на манер дешевого портвейна). Еще двух глотков хватило, чтобы бутылка полностью опустошилась, Павел Борисович швырнул ее в кадку с пальмой и, повалившись на диванчик, захрапел.

Родион смотрел на своего непутового крестного, а потом кашлянул и проговорил:

– Мне почему-то кажется, что нам пора. – И мы последовали за Маминовым с его семьей, компаньоном и охранником.

* * *

Все упомянутые персоны обнаружили в одной из гостиных, внушительной комнате с громадным витражным окном, вызывающим смутные ассоциации с церковью. Родион Потопович подошел к Климовой, которая беседовала с Маминовым-младшим. Тут же ошивался и совершенно пьяный бывший кандидат в члены Политбюро ЦК.

– Анна Ивановна, – сказал Родион хозяйке дома, – мне кажется, что нам пора откланяться. Мы хотели поблагодарить всех за гостеприимство и еще поздравить вас, Алексей Павлович, со знаменательной датой.

Маминов сидел в некотором отдалении от нас и редкими глотками пил вино из тонкого бокала. Возле него торчал неподвижно телохранитель Хал, а на столике виднелась нелепая фигурка подарочного «капиталиста-финансиста», по выражению Павла Борисовича. Услышав обращенные к нему слова Шульгина, экс-банкир не спеша поднял бокал, отвечая на приветствие моего босса.

Из располагающейся неподалеку бильярдной доносился громовой голос неунывающего Мавродитиса. Тот оживленно выигрывал «зеленые» у одного из гостей, крупного рыботорговца. При этом двусмысленно шутил, что выигрывает вовсе не американские доллары, а дико позеленевшие от сырости «деревянные», то бишь родные рубли.

– Дерево-то в сырости покрывается плесенью, ты, рррыбная душа! – посмеиваясь, гремел он, пряча в карман очередной выигрыш.

Рыбный магнат морщился, но аккуратно отсчитывал проигранные суммы. Изредка предлагал прекратить игру, но веселый грек-банкир острил, перекраивая известные шекспировские слова: «Мавродитис сделал свое дело, Мавродитис может уходить? Не-ет, рыбная душа! Еще по «пирамидке»!»

– Телемах дурит, – сказал Маминов, вдруг поднимаясь из кресла. – Хал, иди позови господина Мавродитиса.

– Ты что это задумал, Алексей? – недоуменно спросила Анна Ивановна. – Ты что, уезжать собрался?

– Что-то в этом роде.

– Ты что, из-за отца расстроился?

– Нет, – холодно ответил Маминов. – Стоит он того, чтобы из-за него расстраиваться. Да вон он идет. Полежал и снова в бой. Сил как у молодого.

В самом деле, упомянутый персонаж, растрепанный, с блуждающей дурацкой улыбкой на красном лице, приближался, посылая всем идиотские воздушные поцелуи. У Мамина дрогнули брови, он открыл было рот, явно желая что-то сказать, но тут из бильярдной вышел Хал, а следом за ним в гостиной появился Мавродитис под ручку с одной из дам и громогласно потребовал от всех продолжения банкета.

При этом он умильно смотрел на Маминова и улыбался примерно той же дурацкой улыбкой, что и отец юбиляра. Я даже остановилась и придержала уже намылившегося спускаться по лестнице, к выходу босса:

– Подождите, Родион Потапович. Чрезвычайно интересно. Дурацкое любопытство... Ведь не часто мы бываем в гостях у банкиров и бывших членов ЦК КПСС, правда? Не каждый день видим их в домашней, семейной обстановке. Что касается меня, то никогда прежде не приходилось видеть подвыпившего партийного бонзу, да еще Леонида Ильича!

Босс остановился и улыбнулся:

– Как ты, оказывается, любопытна, Мария.

– Как и всякая женщина, – тут же ответила я.

Тем временем Маминов подступил вплотную к Мавродитису и крепко взял того за отворот пиджака:

– Послушай, Телемах, мы же договорились с тобой, что сегодня следует созвониться с американцами по известной проблеме. Это у нас ночь, а у них-то день! Так что ты должен быть в норме: может, придется принимать решение.

– В-вопросы я урегури... улегури... урегулировал, – ответил тот, – созвонился. И решение того... дуплетом в середину... принял.

– Что?

– А что слышал, – вдруг вылез откуда-то сбоку неугомонный Павел Борисович. – Он, Алешка, давно... острит зуб на твой кус, я тебе говорил, знаешь!.. – Павел Борисович, который так и не нашел второго ботинка и хромал в одном, оступился и едва не упал. Да и упал бы, не подхвати его под руку Леонид Ильич, и пара распоясавшихся стариков-разбойников выдала несколько коленец, чтобы не упасть теперь уже вдвоем.

– Ты созвонился с Америкой? – спросил Маминов.

– Да.

Алексей Павлович холодно смотрел на компаньона. Интересные люди, подумала я, несколько не удивлюсь, если тут произойдет что-нибудь экстраординарное – со скандалом, а то и с разборкой. По всему было видно, что между первыми лицами «ММБ-Банка» существует скрытое противостояние, не разрешаемое мирным урегулированием, и все это рано или поздно выплеснется наружу.

К тому и шло. Изрядно подогретый алкоголем горячий грек Мавродитис исподлобья смотрел на хмурого шефа и машинально тискал попавшуюся ему под руку девицу. Та отпихивалась и слабо повизгивала.

– Нам пора, – произнес Маминов, смерив Телемаха Одиссеевича спокойным, уничтожающим взглядом. – Поговорим позже.

– Нет, сейчас!..

Я поняла, что сейчас что-то произойдет.

Родион стоял и с интересом смотрел на склоку. В его глазах, верно, это была лишь обычная ссора, пусть двух высокопоставленных лиц.

Но для меня ситуация прочитывалась совсем по-иному. Ласточки летают низко к грозе, кошки убегают из домов к землетрясению, а я – я неосознанно повернулась к громадному витражу, к окну, и там в набрякшем за стеклом, на улице, ночном влажном мраке почудилось движение. Словно дрогнуло и встрепенулось в застывшем воздухе что-то живое. Я знала, что не могу видеть этого, но подсознание настойчиво диктовало, что...

Слабо осознавая, что я делаю, я бросилась к Мавродитису с намерением уложить его на пол, потому что я почти зримо выявила флюиды неотвратимой угрозы, как лапы хищника, тянущиеся к нему. Но тут под ноги некстати ввинтился пьяный Леонид Ильич, и я не успела достать председателя правления «ММБ-Банка».

Неуловимая точечная вспышка света, мгновенно потухшая, – и звонко разлетелось оконное стекло, устилая осколками пол. Волна холодного влажного воздуха ворвалась в гостиную и захлестнула ее. Раздался женский визг, и я с трудом узнала голос Анны Ивановны. Елена Мамина с помертвевшим лицом прислонилась к стене, ее грудь тяжело вздымалась и опускалась.

Телемах Мавродитис недвижно лежал на полу. По его белому костюму, набухая и ширясь, расплывалось алое пятно.

Глава 4

Не хочется вспоминать о том переполохе, который начался после убийства Мавродитиса – неожиданного, жуткого. Только с живостью прорисовывается в мозгу словно окаменевшее лицо Алексея Мамина, отправляющего своих людей на поиски киллера. Пространство перед домом, как черную яму котлована, взрыли лучи прожекторов, шум шагов наполнил дом, крикливые, сухие, как автоматные очереди, голоса полетели в темноту ночи.

Хал отгеснил Мамина в угол и закрыл собой. К экс-банкиру шагнул Родион. На скулах его играли желваки. Халмурзаев преградил моему боссу дорогу, мне даже показалось, что он ударит его, и тогда не миновать... Но Родион Потапович успел выговорить быстро и твердо:

– Стреляли оттуда, – и с уверенностью указал на внушительный темный массив в восьмистах метрах от дома Климова. Там был холм, освещенный луной, и на нем прорисовывался строящийся дом.

Маминов глянул на босса вдумчиво и серьезно и коротко кивнул. Взмахом руки он отрядил несколько человек обшарить окрестности; Хала он оставил при себе.

Помню перекошенный гневом рот враз протрезвевшего Леонида Ильича, который злобно орал на свою охрану:

– Быстрее, тупое отродье, пугливые долбозвоны!

«Пугливые долбозвоны» со скоростью, сделавшей бы честь любой опергруппе, тщательно обшарили недостроенное здание, откуда, по предположению Родиона, и был произведен роковой выстрел, потом перевернули всю округу. А Маминов сидел в холле и молча смотрел на бьющуюся в истерике Анну Ивановну, которую утешал Павел Борисович, на мертвенно-бледную Елену, на притулившегося в углу, как-то сразу постаревшего и жалкого Леонида Ильича.

Маминов-старший подошел к сыну и сказал:

– Кажется, я накаркал, Леша. Прости. Но я, честно, разозлился на тебя, на твои монологи зажавшегося болвана. Плохое совпадение, плохое – это убийство Мавродитиса. Да уж. Но, надеюсь, ты не думаешь, что я ко всему этому причастен?

– Нет, – ответил тот, не глядя на отца.

– Ты прямо скажи! – надавил голосом Маминов-старший.

– Да что – прямо! Если бы я думал, что ты против меня... то... – Бывший банкир махнул рукой и замолчал.

– Эх, Алексей! – буркнул Павел Борисович. – Теперь видишь... разнообразил жизнь, да?

И он отошел в сторону, сердито стуча единственным каблуком. Туфлю он так и не нашел.

Амбалы Мамина едва ли смогли бы найти место, откуда стреляли, если бы не наша помощь. Хотя нет, не надо себя переоценивать. Нашли бы. Родиону же это удалось с точностью до квадратного метра.

– Стреляли отсюда, – с уверенностью сказал он, указывая на угловое окно недостроенного корпуса, когда мы поднялись на второй этаж. – Судя по следам, крупный мужчина. Все следы опять же свидетельствуют о великолепной выверенности движений. Причем он явно профессиональный снайпер.

– Почему вы так думаете?

– А вы взгляните в окно. Та стена дома Климова, где расположено простреленное окно, отсюда в добрых пятистах метрах. Уже о чем-то говорит, а? А главное, здесь неудобная позиция, правда? А ведь он был уверен, что попадет, иначе бы стрелял с более удобной, но и более просматриваемой позиции. И ведь попал.

– Но почему же он не стрелял с более удобной, как вы говорите, позиции? – спросили у Шульгина.

– Потому что он знал, что прилегающие территории в радиусе по крайней мере четырехсот метров находятся под просмотром камер, оснащенных приборами ночного видения. Да что я говорю, вы сами знаете это лучше меня.

– А откуда вам известно о приборах ночного видения?

Родион Потапович передернул плечами:

– У меня есть опыт работы в спецслужбах. Заметил.

– Все-то вы заметили, – подозрительно сказал кто-то из климовской охраны, но далее эту счастливую мысль развивать не стали.

... Когда мы возвратились в дом, чтобы сесть во взятый напрокат «Кадиллак» и уехать, Маминов-младший все так же молчаливо сидел в кресле, совершенно не принимая участия в общей суматохе. Я неотрывно смотрела на него несколько минут и чувствовала, как буквально на глазах замыкается в своем панцире равнодушия и растерянности этот холодный человек.

Наверно, даже игрушечный «капиталист-финансист» – маленькая фигурка на столе – проявил больше эмоций: кто-то задел его рукой, и он упал на бок, как убитый получасом ранее Мавродитис...

* * *

– Вот и отметили юбилей, – проворчал Родион Потапович, когда мы вошли в наш офис и рухнули: он – в кресло за своим рабочим столом, я – на диван напротив этого стола. – Ничего не скажешь – погуляли. А ведь все так хорошо начиналось и мило продолжалось.

– А вот мне сразу не понравилось, – сказала я. – То есть не сразу, а вот... в последний час зрело какое-то смутное ощущение тревоги, будто что-то должно было вот-вот произойти.

Шульгин побарабанил пальцами по столу, а потом пристально глянул на меня и произнес:

– Вот что я у тебя хотел спросить, Мария. Я же видел, что ты бросилась к Мавродитису. Но это само по себе ничего. Но ведь ты бросилась к нему ДО того, как прозвучал выстрел... как пуля пробила окно и поразила Мавродитиса! Как... каким образом ты определила, что Мавродитису угрожает какая-то опасность?

– Вы знаете, босс, – медленно начала я, – вот если вам в спину втыкается нож, вы это чувствуете, не правда ли?

– Да уж конечно!

– Так вот, а если вам в спину втыкается не нож, а просто недоброжелательный, угрожающий взгляд, это тоже можно почувствовать, не правда ли?

– Справедливо.

– Ну вот, а я почувствовала этот взгляд-нож, который был нацелен не на меня даже, а на чужого человека, которого я в первый и, что самое печальное, в последний раз в жизни вижу. Почувствовала, поймала... как будто кто-то шепнул мне, что это именно ему грозит опасность. И я бросилась к нему и, быть может, даже успела бы повалить на пол, но вот только Леонид Ильич очень некстати попался под ноги. А знаете, босс, – понизила я голос, – вот вы сказали, откуда стрелял киллер. Как вам удалось так точно определить, откуда?

Босс, как обычно, чуть повел плечами и начал издалека:

– Ну, Мария... есть своя методика, по которой можно сузить горизонты поиска до узкого клинышка... Проще говоря, я отсекал все невозможные варианты, пока не осталось несколько наиболее вероятных. Детали раскрывать долго и скучно, да и утомился я для полнокровных логических выкладок. Главное – нашли, откуда он стрелял. Наверняка профессионал работал. Ладно, Мария, давай-ка расходиться по спальням. Тебе хорошо: ты одна спишь. А мне сейчас придется красться, чтобы не разбудить Валентину или – не дай бог такого счастья! – Тапика.

– Понятно, – пролепетала я. – Спокойной ночи, босс.

Последующие несколько дней тема убийства Телемаха Мавродитиса если и обсуждалась нами, то только вскользь в связи с какими-то новыми сводками сообщений, которые постоянно проходили в СМИ. Я посидела в Интернете в общей сложности не более часа за неделю, но этого вполне хватило, чтобы выудить десятки «информашек», как именовал это босс, и в частности, интервью директора «Альков-GSM» и члена совета директоров «ММБ-Банка» Михаила Берга. Берг заявил, что «ММБ-Банк» даже в своем названии – аббревиатура ММБ – объединяет фамилии учредителей, нынешних главных держателей акций банка: Маминов, Мавродитис, Берг. Михаил Карлович объявил, что убийца и заказчики преступления стали его личными врагами и что он подключит все свои связи и все возможности, чтобы как можно быстрее найти их. Убийство Мавродитиса «совершено при большом скоплении народа и с особым цинизмом, так как праздновался юбилей Алексея Павловича Мамина, бывшего председателя правления «ММБ-Банка». Такие слова употребил в своем интервью Берг, которого Елена Мамина в разговоре с матерью, Анной Ивановной, называла просто Мишкой.

Родион Потапович вообще предпочитал уклоняться от обсуждения этой темы, предпочитая не затрагивать кошмара, свидетелями которого нам пришлось стать. Он ссылаясь на то, что у него масса других дел и что он не любит расплываться, держать в голове сразу несколько аналитических выкладок. При любом удобном случае он предпочитал отделаться от меня, хватаясь за трубку зазвонившего телефона как за соломинку или выскакивая из кабинета, как черт из табакерки, на трубный глас вопящего Потапа.

Однако же на исходе восьмого дня, истекшего с момента убийства председателя правления «ММБ-Банка», Родион Потапович не сумел отвертеться от вопросов. И все потому, что исходили они не от меня. Впрочем, первоначально тему смерти Мавродитиса подняла именно я, сказав:

– Вы знаете, Родион Потапович, у меня не выходит из головы тот человечек с цилиндром на голове. Я знаю, что это глупость, блажь, совпадение, но такое уж эффектное совпадение, что никуда от него не деться. Я не допускаю вообще-то, что Павел Борисович, ваш крестный, причастен к тому злосчастному выстрелу, не допускаю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.